

34-летний Игорь Воеводин впервые появился на наших экранах полтора года назад в программе «Времечко» и сразу привлек внимание телезрителей своим нестандартным видом. Длинные волосы, борода — он скорее похож на рок-певца, чем на ведущего новостийной программы. В прошлом Игорь — газетный журналист, по собственному определению, звезда «Московской правды». Теперь же огненная борода Воеводина светит во «Времечке».

Игорь Воеводин:

«А мама хотела, чтобы я был разведчиком и работал где-нибудь на Западе резидентом»

Вет. клуб. - 1994. - 10 дек. - с. 7.

— Телеведущих всегда узнают на улице, а вас тем более трудно не заметить. Игорь, насколько тяготит популярность?

— Я не верю, когда говорят, что это неприятно. Мне лично нравится, хотя эффект узнаваемости мешает — особенно когда слышишь: «Во, смотри, мужик из «Времечка» пошел!»

— Вы нарочно создали себе такой имидж?

— Я такой, какой есть. Правда, зрители полгода привыкали к моему виду, наверняка ненавидя меня всей душой. А потом вдруг неожиданно полюбили: даже выбрали самым усатым ведущим. И если сейчас я состригу бороду, то меня еще полгода не будут узнавать на экране. Сменить имидж — это то же, что начать новую жизнь. Некоторые начинают ее с понедельника, я ее раньше начинал каждый раз, когда ходил к парикмахеру. Я вообще не терплю заурядности и нуждаюсь в постоянной смене обстановки. Обожаю командировки — лечу не пойми куда и привожу репортаж.

— А насколько вообще вас волнует реакция зрителей?

— Честно говоря, меня мало трогает, как ко мне относятся. Гораздо интереснее, что зритель извлекает из моей информации. Публике легко понравиться, нужно просто знать ее психологию, и успех обеспечен. Лично мне просто оскорбительно действовать дешевыми методами, пытаюсь расположить к себе зрителя: улыбаться, подмигивать — быть для всех хорошим мальчиком. А вот попробуй раздражить толпу, показать ей собственные недостатки — и при этом умудриться не получить на улице по морде! Штука хитрая, но мне пока удается.

— Для этого нужна особая журналистская хватка?

— Наверное, особый характер. Например, я в детстве был хулиганом — даже решил, что поступать сразу на журфак МГУ слишком нагло. Работал на заводе, пробовал поступать во многие институты, но всегда не добирал какие-то лохматые полбаллы. А потом неожиданно превратился из хулигана в паиньку: когда все-таки по-

пал на журфак, преподаватели сразу решили, что я лучший студент. Подозревали, что из меня что-то получится, и некоторое время прощали мне буйный нрав.

— Неужели из вас в результате получился отличник? С трудом верится...

— Да нет, конечно. С журфака выгнали на четвертом курсе и потом выгоняли отовсюду, где я работал, — из «Московской правды», из «Известий»...

— А за что?

— Ну, например, в первой моей газете, которая называлась «Советский патриот», я писал фельетоны. А мой начальник считал, что лучше всех фельетоны пишет он, и не мог мне этого простить. К тому же я не хотел писать политические фельетоны, так как никогда не занимался политикой. Я вообще считал это недостойным занятием для нормального человека.

— Не любите политику, а работаете в информационно-телевизионной программе. Как же это совмещается?

— Во-первых, «Времечко», к счастью, политикой не занимается, а во-вторых, телевидение — это самый сильный наркотик в моей жизни. В программу я пришел в 33 года, к этому времени уже кое-чего достигнув в журналистике. На телевидении пришлось вернуться к самым азам: заняться репортерством. Поначалу негодовал, хотел снимать сразу, как Феллини, но потом понял, какая великая вещь — ТВ! Можно много написать — и человек ничего не поймет. Но если один раз показать неожиданный кадр, зрителя перевернет наизнанку. Вообще телевидение — это коллективный труд, командная игра, которую невозможно бросить. Коли начал — идешь до конца.

— Игорь, а как бы вы определили свое творческое кредо?

— Во «Времечке» мы рассказываем о проблемах маленького человека. В этой стране все раньше считались винтиками — вот проблема винтика мне и интересна.

— А лично для себя вы какие сюжеты выбираете?

— Мне интересен человек в пограничной си-

туации. Когда он проявляет себя, как лакмусовая бумажка. Вообще я делаю всю жизнь как бы один репортаж с продолжением — словно рассматриваю проблему с разных сторон.

— Вам в программу звонит множество людей. Был ли какой-то звонок, который особенно запомнился?

— О, вот примерно год назад был у нас, можно сказать, король всех звонков. Зритель рассказал, что на какой-то завод привезли пледы и продали их рабочим, но пледов на всех не хватило. В результате завод забастовал. Я начал смеяться, но, оказывается, это был еще не конец истории. Пледы у рабочих отобрали и разрезали на одиннадцать частей — так, чтобы хватило на всех. Получились шарфики. Но завод забастовку не прекратил, так как на каждом одиннадцатом шарфике оказался лейбл. Пришлось руководству устроить лотерею шарфов... Нарочно не придумаешь.

— Телевидение отнимает фактически все время. Как семья на это смотрит?

— А помнишь песню: «Что-то там — вот и вся моя семья», правда, не помню, что именно. Семьи в общем-то нет. Я прошел этот печальный опыт и перестал вмешивать государство в свои отношения с женщиной.

— Это было связано с нехваткой времени?

— Я не верю людям, которые говорят, что не могут создать семью, потому что мешает работа. Есть старая хорошая шутка: «Если водка мешает работе, то ну ее на фиг, такую работу».

— А как вы вообще отдыхаете?

— Я не то чтобы не светский человек, просто как-то спокойно отношусь к тусовкам на ТВ. Я от сохи, пашу и пашу. На телевидении хочется работать, а тусоваться здесь мне просто неинтересно.

— Ну а как же всякие клубы, популярные среди нашего бомонда?

— По отношению к нашему городу слово «бомонд» звучит просто глупо. Московский бомонд на 90 процентов состоит из вора в цветных пиджаках. У интеллигентов нет денег тусоваться по всем этим крутым местам. Мне же интересней с ними, а не в клубах.

— Но какие-то маленькие радости у вас есть?

— Очень люблю пиво и считаю себя в этом деле профессионалом. Вообще искусство застолья — великое искусство, и его можно назвать моим хобби. Я люблю своих друзей, без них просто не существую. Обожаю делать стол, но только настоящий стол, а не какой-то там перекус.

— Если не секрет, куда вы ездили в отпуск в последний раз?

— Знаете, как люди думают о телеведущих? Они считают, что мы летаем на вертолетах и ездим на роскошных машинах. Будто меня привозят на вертолете в «Останкино», а я, как отработаю, — тут же улетаю на Канары. Наверное, будет смешно, если я скажу, что никогда не был за границей.

— Не хватало времени?

— Даже не знаю, рок какой-то. Каждый раз, когда я собираюсь за рубеж, что-нибудь случается: то паспорт потеряют, то революция начнется... Вообще с тех пор, как я пришел работать на телевидение, отпуска как такового не было. Я себе сейчас напоминаю римского раба на галере: за все время работы на ТВ отдыхал две недели в Подмоскovie. И то не отдыхал, а просто отсыпался. Три года мечтаю поехать на Селигер, а раньше бывал там по нескольку раз в год... До телевидения я был свободным, обеспеченным и счастливым человеком.

— То есть телевидение перевернуло жизнь в худшую сторону?

— Во всяком случае мама считает меня неудачником. Она всегда хотела, чтобы я был военистым разведчиком и работал где-нибудь на Западе резидентом. Ну а коли из меня ничего не вышло, пусть хоть по телевизору показывают.

О планах на будущее я предпочитаю не говорить. Это как ненаписанный рассказ: если рассказать, о чем он будет, ничего не получится.

Гостя принимала
Ирина ЗАХАРОВА.